

Д. А. Гранин¹

ВЫДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?

Я все чаще задумываюсь над вопросом: выдержит ли Россия вызовы времени?

Сегодня Россия находится в трудном положении — и материальном, и нравственном, и духовном. Она лишилась идеи жизни, своих кумиров, героев, которым поклонялась. Мы никого не любим. Живем на развалинах бывших кумиров. Говорят, что только искусство может создавать героев, любимых народом. Не совсем так. Америка создала Форда. Он долгое время был героем. Тем, кто придумал разумную промышленную систему, помог процветанию производства. Где у нас миллиардер, богат, про которого мы знаем, что он сделал полезное для народа, для техники? У нас мало возможностей разбогатеть честным путем — что-то изобрести, придумать, организовать. Может, кому-то удастся, но мы о нем не знаем, да и не поверим. Никто из наших миллиардеров не предстал перед нами со своей историей, с рассказом, как он обрел свои капиталы. Темно, скрыто, и, как правило, считается, что пути наших миллиардеров — пути бесчестные. Они не подают обществу надежды, что мы живем в стране, где можно добиться успеха честным образом. Казалось бы, мы приобрели свободы, возможности, а в то же время мы потеряли всякие примеры, которые могут нас воодушевлять. Мы потеряли даже то, что было в царской России, где был Ломоносов. Сын крестьянина, рыбака, который послужил для тысяч русских примером того, что из народа можно выйти в академики. Где такие примеры сегодня?

Даже советская система поощрений — медали, значки, грамоты, все, что хранится у старых людей только как воспоминание, — была важной душевной поддержкой человеку. Получали мало, зарплата была жалкая, несообразная трудовым усилиям, но была моральная компенсация. Ее сейчас нет. Все стало измеряться лишь рублем. А эта система ядовитая, отравляющая нравственное состояние человека. Сегодня в цене не человеческие качества, а толщина кошелька. Конечно, наши люди за предыдущие десятилетия бедноты стосковались по благоустроенной личной жизни. Всем хочется иметь квартиру, машину, дачу, хочется поехать в путешествие. В этом нет ничего плохого. Это естественное желание. Но есть грань между жизнью скромной и роскошной. Границу эту наносит духовность человека. Чем меньше культуры, тем больше интерес к ресторанам, нарядам, машинам.

В нашей стране не хватает нравственных примеров, не к кому прислониться душой. От этого неоправданная убогость понятия о красивой жизни.

В советские времена низкий этический уровень можно было оправдывать страхами, идеологией, цензурой. В нынешнем человеке мы, очевидно, имеем дело с принципиально другим отношением к культуре и совести. Появились новые требования к ним, новые, куда более заниженные уровни стыда и совести, и они считаются нормальными.

Взятки берут не для духовного обогащения. Воруют для разгульной жизни, творят беспредел, идет поголовное бесстыдство чиновников, для которых любые законы определяются степенью взяточности. Вот олигархи, которые захватили народные достояния лесов, недр, зе-

мель, жилья и получили миллиарды — за что? Они ничего не изобрели, не открыли ни в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «окупантов».

Вот депутаты всех уровней добиваются своих мандатов с помощью пустых обещаний, лжи и обмана. В стране повсеместно воцарились культ денег и воровство.

Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, то есть о рейтингах ради своих доходов. Иногда кажется, что наше телевидение — это заговор, заговор с целью превратить народ в зомбированную массу, у которой никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы. Я не люблю слово «заговор», но слишком уж единодушны все телевизионные каналы, слишком единодушны газеты. Все время одно и то же: кто с кем, когда, сколько раз.

В последние годы своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев упорно возвращался к проблеме совести. Он с печалью видел, как она перестает быть мерилем нравственности, как Россия становится страной без стыда и совести.

После замечательного русского философа Владимира Соловьева Лихачев, пожалуй, единственный, кто так настойчиво занимался категорией совести. Соловьев считал, что совесть есть развитие стыда. Должен быть стыд. Нет стыда? Тогда совесть молчит.

Стыд был первым человеческим чувством, которое отличало человека от животных. Можно считать, что человек — животное «стыдящееся». Господь обнаружил первородный грех Адама и Евы по тому, как они устыдились своей наготы. И изгнал их из рая. Человек постепенно начинал понимать, что «должно по отношению к людям и к богам», и тогда инстинкт стыда стал превращаться в голос совести, то есть Адам и Ева устыдились совершенного ими, и этот стыд, который заставил их прикрыть себя фиговыми листьями, и был первым голосом совести.

Лихачев сумел развить это положение, дополняя его ролью памяти. Он показывал, как память формирует совесть. Без памяти нет совести, память сохраняет наши грехи, память семейная, культурная, народная питает совесть, требует от нее уважительного отношения к старшим, к друзьям, к родным. Вспоминает, правильно ли мы жили, хорошо ли обращались со своими родными. Позднее наше раскаяние — это работа памяти, которая тревожит совесть. Память — историческая категория. Побывав в Гамбурге на кладбище русских солдат, жертв Первой мировой войны, я вдруг сообразил, что у нас в России не видел и не знаю ни одного кладбища, где сохранялся бы прах русских солдат, погибших в ту, Первую мировую, войну.

А что такое действия вандалов на наших кладбищах или то, что они творят в Летнем саду? Это что? Это свидетельства жизни без памяти.

Лихачев обращал наше внимание на некоторые особенности совести.

Совесть противостоит давлению извне, она защищает человека от внешних воздействий. И в самом деле, к человеку порой может достучаться только совесть, внутренний его голос, он куда действеннее, чем бесконечные призывы, пропаганда учителей, воспитателей, даже родителей. Поступок, совершенный целиком по совести, — это свободный поступок.

Уверен, нас сплотит и спасет опора на культуру, нравственные ценности, милосердие.

Важно, чтобы и власть в нашей стране дорожила культурой, любила ее и опиралась на нее.

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интеллигенция» и др.

Недавно в петербургской филармонии я был на концерте Баварского симфонического оркестра, которым дирижировал мой хороший знакомый Марис Янсонс. Этот человек входит в первую пятерку дирижеров мира. Я бывал на его концертах в Австрии. Что на них поражало? Люди приезжали из Китая, Японии, среди гостей была канцлер Германии госпожа Меркель, был канцлер Австрии, министры, ученые. Что творилось и в нашей филармонии (Янсонс долгое время работал в ней дирижером) — трудно описать. Питерцы любят музыку, понимают, ценят, и меломаны города рвались на концерт. Это был праздник. Но было и другое. Меня огорчило, что на таком историческом событии в культурной жизни города не было никого из наших властей, никто не пришел, не поинтересовался. Интересная особенность нынешнего времени. Наши власти не нуждаются в культуре, не нужна она, среди них почти нет людей, которые просто, не по службе любят музыку, любят живопись, любят театр. Это грустно. Это сказывается на положении дел с российской культурой. Среди приоритетов, которые выдвинуты правительственной политикой, есть сельское хозяйство, медицина, ЖКХ, оборона. А вот культуры нет. Культура может подождать. Не срочно. Но культура такая материя, которая ждать не может. Если человек прерывает свои отношения с искусством на годы, считайте, что он расстался с культурой, расстался с литературой, чтением, с театром, с музыкой. Наша власть — цивилизованные, образованные, воспитанные люди, знающие языки. Тем обиднее, что они, все понимая, почему-то так мало делают для культуры стра-

ны. Все меньше библиотек, концертных залов, симфонических оркестров.

Когда бываешь в школах, клубах, на собраниях интеллигенции, особенно в провинции, на свои вопросы и сетования слышишь один ответ, всюду, во всех регионах одна и та же фраза — «От меня ничего не зависит. От нас ничего не зависит». С этим убеждением живет значительная, подавляющая часть россиян — «От нас ничего не зависит». Усталость, безнадежность... Что же соединяет нашу Россию? Что скрепляет ее? Этот вопрос сегодня встает все острее и тревожнее. Как сохранить Россию?

Что же будет держать и держит нашего человека в России? Держала во многом и может держать нашего человека культура, ощущение той великой культуры, в которой мы все формируемся и растем, — поэзия, театр, музыка, все то, что составляет и составляло прелесть и душу российского народа. И если эта культура становится второстепенной, мало поддерживаемой и мало нужной, то спрашивается: чем мы можем сохранить Россию?

Что понимать под словом «культура»? Для меня, например, уничтожение деревни, деревенской жизни является катастрофой русской культуры. Деревня несла в себе огромную культуру: традиции взаимоотношений с людьми, милосердия, правил поведения, вежливости. Деревня содержала блаженных, нищих. Деревня не запирала избы, там не было воровства. Там сохранялся фольклор, частушки, народное творчество. Все это закончилось. И потери эти невозможны или частично возмещаемы культурой книжной, театральной, музыкальной.